

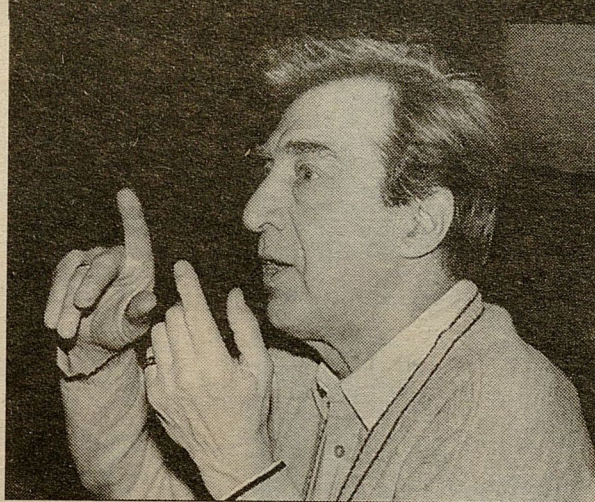
Память

30 марта Виталию Викторовичу Ланскому исполнилось бы 70 лет. Хорошо представляю себе, как отказался бы он от юбилейных торжеств. Так просто и убедительно, что никто и настаивать бы не стал. С ним вообще никто ни на чем не настаивал. Ни на том, чтобы чаще мелькало его имя в прессе, ни на том, что бы он ни проделывал, иногда дважды в день, утомительный путь в городском транспорте – дом-театр-дом. Не настаивали и на его роли в истории отечественной сцены. Как будто забыли, что, подарив нам в конце 70-х годов одно из сильнейших впечатлений – “Старый дом” А.Казанцева в Новом драматическом театре, он был (рядом с А.Васильевым, тогда же поставившим “Взрослую дочь молодого человека”) среди первых, кто дал сценическую жизнь драматургической “новой волне”. Не настаивали... Потому что он не настаивал на себе.

Последние десять лет мы дружили. Он приглашал меня на прогоны, интересовался “критическими замечаниями”. И все эти годы я почему-то считала своим правом и даже обязанностью не сказать ни слова о нем в печати. Мы ведь дружили! О “своих” не высказываются?! А он ни разу – и когда о его работе вообще не писали, и когда отзывались о ней небрежно – даже не намекнул: мол, хорошо бы, чтоб появилась рецензия. С ним было легко, спокойно, он не вынуждал к комплиментам, не провоцировал их, обнаруживал редчайшую среди своих коллег способность говорить не о себе.

Он принадлежал к исчезающему племени интеллигентов, которому априори свойственно, по слову поэта, “дворянское чувство равенства с каждым”, для которого естественно существование другой точки зре-

“Он человек был в полном смысле слова”

ния, а носитель ее не становится личным врагом. Отсюда так удивлявшая всех его художественная политика как главного режиссера театра имени Станиславского. Приглашал на постановку режиссеров часто чуждой ему эстетики – В.Мирзоев, С.Спивак. Не вмешивался, подгоняя спектакль под себя. Тем более не ставил своего имени. Хотел, чтобы труппа, которую он умел любить (бросался на защиту каждого, о ком в частном разговоре высказывалось хоть какое-то сомнение), творчески мужала в работе с разными режиссерами. И всегда, ближе к премьере, успевал доверительно шепнуть: “По-моему, получится интересно”.

А сам был серьезнейшим профессионалом, со своей эстетической системой координат. Еще в 60-е годы до Москвы долетали слухи о блестящих “На дне” и “Вишневом саде” в Кирове. О “Плодах просвещения” в Новом драматическом – спектакле, снятом после премьеры Управлением культуры, очевидцы говорили восторженно. В театре имени Станиславского – пастельно прописанные

“Дачники”, недооцененные критикой. И всегда, в любом возрасте, Ланской “слышал” современную пьесу: открыл для сцены Э.Радзинского, А.Казанцева, совсем недавно – Н.Птушкину.

В последние годы он торопился. Сразу после премьеры начинал новую работу. В этом сезоне репетировал одновременно “Петра I” по А.Толстому и “Пизанскую башню” – еще одну пьесу Птушкиной. И, не давая себе отдыха, каждый вечер был в театре.

Два месяца Виталий Викторович Ланской не дожидаясь своего семидесятилетия. В эту, все же внушительную дату не верится и сейчас – таким легким, подтянутым и молодым он был. А мне сегодня как будто слышится его голос в телефонной трубке. Не объявляя истинной причины, уверенный в том, что она и не помнится собеседником, он как всегда, когда собирал столь любимое им застолье (сам после инфаркта выпивал одну рюмку), говорит: “Что ты делаешь тридцатого? Приходи, надо кое-что обсудить...”

Ирина ХОЛМОГорова